

Н.В. Лабутина-Жарникова

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ

Мифологические рассказы в современной устной прозе забайкальских казаков

Вмешательство необычного и необъяснимого в повседневный деревенский быт породили в народе мифологические рассказы – былички и бывальщины, которые активно бытуют в современной казачьей деревне. Экспедиционные материалы, собранные в к. XX – начале XXI вв., содержат десятки текстов мифологических рассказов забайкальских казаков.

Наибольшее распространение имеют рассказы о колдунах, «колдовках» и знахарях – людях, обладающих сверхъестественными способностями. Образы колдуна и знахаря в быличках встречаются реже, нежели образ «колдовки». Большая часть бытующих сюжетов/мотивов отмечены в «Указателе мифологических рассказов русского населения Восточной Сибири» В.П. Зиновьева [Мифологические рассказы, 1987].

В современной устной прозе забайкальских казаков распространены былички и бывальщины о разоблачении колдунов, например, при помощи соли: *«Вот на кого сумлевася, что она или не она. Вот к ей, придешь, и старайся ей на горб, в карман соли насыпешь и сразу старайся этой соли ей на горбушку бросить. И она потом к тебе придет, и будет просить, что “стряхни меня”»* (1)¹. Довольно часто в таких рассказах встречается мотив защиты от вредоносной силы колдунов. Прежде всего, это травы, которые повсюду раскладывают на Иванов день (крапива, богородская трава – чебрец). По мнению казаков, они неприступны для порчи. Оберегом могут служить различные предметы: например, булавка (или, как говорят у забайкальских казаков, «шпенёк»), которую обязательно следует носить на себе; подкова, которую вешают при входе в дом; иглы, которые втыкают в колоды дверей и ворот; перевернутый веник; осиновый кол, забитый во дворе; нож, вложенный за колоду входной двери; соль и мак, которыми посыпают весь двор. Все эти предметы, по представлению казаков, оберегают от «нечистых». И самым простым средством защиты считается «кукишка» с приговорными и ругательными словами. *«Вот на кого сумлевася, что она колдовка и может испортить, вот так: две кукишки заткнешь в карманы и идешь, и говоришь: “Камень в зубы, чире на язык, <...>!” Она не добьется своего, плохо не сделает»* (1). Несмотря на соблюдение предосторожностей от колдунов, казаки считают: *«Греха нету – тебе и порчи не будет!»*.

В репертуаре забайкальских казаков зафиксированы былички, сюжеты/мотивы которых не отмечены в опубликованных указателях: 1) мотив демонстрации силы колдуном. В ответ на насмешки со стороны молодежи, колдун демонстрирует свои силы: *«<...> И вот он говорит: “Дайте мне деревянную лавку без единого гвоздя”, – и вот он сел на эту лавку. И вот эта лавка начала подпрыгивать вот прямо на метра на два-три. “Как, – говорит, – летал на ней. Вот увидели сами!»* (2); 2) мотив разоблачения колдунов с помощью различных предметов. В приведенном ниже примере, действие происходит на Иванов день, распознавание колду-

¹ Здесь и далее цифра после примера указывает на номер в списке информантов.

нов происходит с помощью костра из щепок разбитого молнией дерева, четырёх ведер: «...Ну и вот, мы разожгли огонь, но мы: Кешка, Сашка, я. Разожгли, сели. Одна бабушка прибежала в 12 часов, свиней спрашивала: “Чужих свиней нету?”. Друга прибежала, баран спрашивала, и старик один пришел. Ну, я их имена не буду называть. Их уже нету...» (3).

Одной из отличительных особенностей в фольклорной прозе забайкальских казаков являются рассказы о старой казачьей свадьбе, также содержащие мифологические мотивы о колдунах. Мифология свадьбы вызвала интерес исследователей конца XIX века. К.Д. Логиновский в своей работе «Свадебные песни и обычаи казаков восточного Забайкалья» [Логиновский, 1899], приводит мифологические рассказы, связанные со свадьбой. В свое время исследователь назвал их свадебными шутками, которые проделываются знахарями над женихом из личной к нему мести или за неоказание почта, или же как выражение враждебных чувств сторонников невесты, но часто проделываются эти шутки ради тщеславия – показать превосходство своей силы над дружкой, причем знахарь платится за них жестоко, если оказался слабее дружки. Еще в 1970 – 80 гг. можно было услышать от старожилов Забайкалья невероятные истории о дружке, оберегающей свадьбу от порчи. В начале XXI века такие былички и бывальщины встречаются крайне редко. В полевых исследованиях 2002 года были зафиксированы два мифологических мотива, связанных со свадьбой: ведьма «портит» невесту, чтобы расстроить свадьбу; колдун шутит над свадьбой, потому что не был приглашен на свадьбу. Образ дружки, оберегающей свадьбу от порчи, встречается не во всех рассказах, иногда оберегающая функция возложена на другое лицо. Например, в одном из рассказов оберегающую функцию дружки выполняет бабушка жениха: «*Анна Павловна Белобородова выходила замуж. Мы запрягли коней, тройку значит. <... > В ограду, значит, поставили. Ворота открытые. И в это время, Гриша Марычкин был, покойничек – старичок, прошел. Поперек ворот шел по улице и прошел. Мы выезжать, кони не идут. До ворот и всё! Фыркают, да и всё! Мы к баушке: – Баушка, чо это такое? || Она говорит: – Кто проходил? || – Да, Гриша Марычкин! || – Догоните его и пригласите! || Ну, пригласили. Баушка ему вина налила, всё. Она хохочет и говорит: – Чо? Выехать не можете?! Ну ладно, сейчас выезжайте! || Ну, сели и поехали. Он к коням подошел, что-то там попрыскал, ну и поехали!» (3).*

В современных мифологических рассказах устойчивы отголоски древних верований, в соответствии с которыми каждый жилой дом непременно имеет своего духа-**домового**. У забайкальских казаков домового называют – бокуседкой и суседкой (соседкой), просто домовый. В рассказах традиционно повествуется о проявлениях как любви так и нелюбви домового к домочадцам, иногда домовый выступает в роли предсказателя будущего. Часто встречающийся мотив – бокуседка заплетает женщине косу, был зафиксирован в быличках, дающих противоположные объяснения, почему «бокуседка» путает или плетет волосы у человека. «Бокуседка» путает волосы хозяйке в одном случае – за что-то обижена на нее, а во втором – любит, поэтому и плетет волосы.

Повсеместно распространены былички и бывальщины о домовом и домашней скотине: соседка плетет волосы у полюбившегося ей коня. У забайкальских казаков встречаются былички с мотивами о том, что домовый мучает скотину, наутро она (лошадь, корова) оказывается мокрой, со спутанной шерстью; домовый заплетает гриву лошади в косы. Записаны рассказы об обрядовых действиях, направленных на то, чтобы домовый оберегал домашнюю скотину и приводил ее домой.

Особое значение в рассказах приобретает нож и осиновый кол, что опять же напрямую связано с домовым. В народе бытует мнение, что если заткнуть нож в дверную колоду и вбить осиновый кол посередине двора, то домовый позаботится

о скотине и ни один зверь её не тронет. Этим самым подчеркивается двойственная сущность домового – дружба и с чертом и с человеком. Считается, что он не боится осинового кола, заткнутого ножа, как боится «нечистая» сила, ему нет от них вреда. Нож в данном случае, поясняют рассказчики, перекрывает зверю глотку, чтобы не напал на скот.

В одной из быличек, рассказанной Д.Н. Максимовым, слывающим знахарем, домовые существуют даже в магазинах больших городов. Данный сюжет/мотив не обозначен ни в одном из указателей, поэтому приведенный мифологический рассказ вызывает особый интерес. Знахарь, в роли которого выступает рассказчик, помогает торговым людям умиловить шалившего в магазине домового: *«Приехали ко мне. Торгуют оне, у них, значит, как в городе все под сигнализацией, – все включают, запечатывают. Утром приходят. Сигнализация вся отключена, на столе бумаги разворочены все, разбросаны там. Ну и они обратились к прокурору. С милицией сигнализацию включили. Утром пришли – отключено. Они к прокурору, а заместитель прокурора женщина пришла и говорит: “Вас не любит домовый. Вам надо кого-то” ...И все они на иномарке приехали. Ну, приехали, неизвестны люди, говорят: “Поедите?” ...Ну, приехали, зашли в магазин, там четыре человека сидят. Ну, я их заставил ужин хороший сделать. Они сделали. Принесли коньяк. Я все обошел все сделал. Покушали, домовому поставили. Все, сигнализацию включили. Я заставил выйти ее, ну директора. Потом зашла, поздоровалась с домовым. Утром встали, поехали. Приехали, зашли, посмотрели, – водки нету половины (в рюмке). Но, значит, все, понравилось. Домовой ваш успокоился, и все будет в порядке. И потом я через год зашел, все в порядке до сих пор»* (3).

Как и во всех локально-региональных традициях русского населения Восточной Сибири, образ домового у забайкальских казаков бывает женского и мужского пола. В рассказах, зафиксированных у забайкальских казаков в начале XXI в., нет подробного описания образа домового, зато устойчивыми оказались его основные функции. Основной сюжетно-мотивный состав, связанный с образом домового, продолжает сохраняться во времени и соответствует указателю В.П. Зиновьева. Выявлен новый, ранее не фиксированный мотив о домовом в магазине, что говорит о расширении зоны действия данного персонажа в современных условиях бытования мифологических рассказов.

В сюжетно-мотивную группу быличек и бывальщин о предзнаменованиях, бытующих у забайкальских казаков, входят суеверные рассказы **о птицах**. В экспедициях 2003 г. нами было зафиксировано, что в сюжетах мифологических рассказов птицы, будь то голубь, воробей, ворона, сорока, угод и т.д., выступают также предвестниками судьбы человека, в народном представлении обычно предвещающими ему несчастье или смерть. Места появления птиц – вестников судьбы весьма разнообразны. Это может быть церковь, окно дома, двор. Особое значение образ птицы приобретает связи с окном. В одной из быличек появление птицы, постучавшей в окно, как предзнаменование имеет двойное значение, в зависимости от того, где расположено окно в доме хозяев: *«Если птичка в кухне, в окошко постучится, – значит, женщина умрет, хозяйка. Если в зале – мужик умрет, хозяин. Вот типа она сядет на рамку и поклюет в клетку – это обязательно к покойнику»* (4).

Предвестником плохого выступает и сорока, которая по сообщению казаков будет назойливо чирикать рядом с человеком, предвещая какие-либо несчастья: *«...Она вот на “журавель” сядет, (колодец) и чирик-чирик. Вот прямо словами мене выговариват. Но ладно, я ешо помидоры не довысаживала, Анна Романовна идет и говорит: “Ты чо делаешь?” – “Да вот, помидоры надо в парник сёдни высадить”. – “А, ты ничо не слышала?” – “А чо?” А она говорит: “А Иван-то на*

тракторе опрокинулся". А я ей: "Ты чо, сдурела, что ли? Кто тебе сказал?" – Ну, позвонили в контору. Ой! Вот и начирикала...» (1).

Былички и бывальщины о птицах содержат образы голубей, залетевших в церковь. Это также считается плохим предзнаменованием: «...Ну, чо же, голубь залетел! Раньше голубей не били, ничо. Ну и открыли ему дверь, чтоб он вылетел. И вот как-то парень, сколь же ему лет было? На колокольню залез. Да и упал. Умер, пока летел...» (5).

Заметим, что в некоторых случаях, описанных в рассказах, с момента появления птицы-предвестника проходит достаточно много времени, прежде чем случится несчастье. Тем не менее, рассказчики всё равно связывают произошедшее событие с образом птицы-предвестника. Приметы о птицах стали приметами благодаря предшествующим событиям, имеющим повторение в разнообразных вариациях, которые сейчас фиксируются нами как былички и бывальщины. Таким образом, все образы птиц, которые были рассмотрены, составляют сюжетно-мотивный фонд тематической группы быличек и бывальщин о предзнаменованиях судьбы. Все они объединены одним мотивом, содержащим предупреждение перед покойником, несчастным случаем.

Очень редко в наше время можно встретить мифологические рассказы о русалках. В.П. Зиновьев отмечал: «<...> рассказов о сверхъестественных существах, обитающих в воде (о водяном хозяине, о речных русалках и водяных чертях), зафиксировано немного. В них сюжет тоже построен обычно на факте встречи» [Мифологические рассказы, 1987, с. 387]. Надо отметить, что в быличках и бывальщинах о русалках сохраняется первоначальный характер этих жанров как страшных историй, а не удивительных. Из обследованных нами бывших казачьих станиц, только в Шарагольской станице в малом количестве, но всё же бытуют такие былички и бывальщины о русалках. Встречались информанты, которые утверждали, что сами лично видели русалок. Встреча с русалками происходит в быличках обычно в летнее время. Чаще всего такие встречи происходили на Троицу. В быличках и бывальщинах отражено одно из поверий о том, что если увидишь русалку, обязательно утонешь: «Одна девчонка у нас утонула. И когда она утонула, а потом люди говорят. Ну, черемуха попевала, а она с девчонками ходила в Забоку. Ну и говорят, что они ходили по черемуху, и она русалку видела. А така легенда была: кто русалку увидит, обязательно утонет. Вот». (6)

Местом обитания русалок в быличках может быть как лес, так и вода. По экспедиционным материалам последних лет, в с. Шарагол бытуют тексты, в которых русалка обитает исключительно в воде. Только в одной быличке выявлен мотив русалки, обернувшейся в мужчину, передвигающейся по суше: «Пошел я как-то на рыбалку. Гляжу, а там мужик какой-то незнакомый рыбачит. Я немного подальше от него тоже сел рыбачить. А так на него поглядываю, странный он какой-то был. Чо-то достал зеркальце и расчесывается. А я решил у него спички попросить, да познакомиться, кто такой, мол? Подходить начал, а он так и чешет свои волосья. Глянул ему со спины в зеркало и увидел, что это не мужик, а баба! Он так и позеленел, что я его разглядел! Как соскочит, и за мной погнался! Вот я бежал от него! До огородов добежал, оглянулся, а он остановился, кулаком грозил, но дальше не пошел. Тут-то я и подумал, что это русалка была» (7).

Используя предупредительную функцию быличек о русалках, взрослые рассказывают своим детям о русалках специально с целью поугатать, отбить охоту купаться в речке, чтобы уберечь своего ребенка от несчастного случая. Нередко рассказчики признаются в том, что сами играли роль русалки: переодевшись в лохмотья и распустив волосы, прятались за кустами и пугали детей. Причем повествователь нередко ссылается на то, что точно так же с ними поступали родители. Тем самым подтверждается одна из основных функций былички и бывальщи-

ны, заключающейся в передаче своеобразного опыта народной педагогики и этики [Мифологические рассказы, 1987, с. 399].

Несмотря на малое количество быличек и бывальщин о русалках, записанные тексты сюжетно развиты. Следует согласиться с мнением Э.В. Померанцевой, что «в записях последних лет образ русалки <...> чрезвычайно беден и безличен» [Померанцева, 1975, с. 86]. Многие из опрошенных нами информантов не знают происхождения русалок. В народе предполагают, что это души утопленниц.

Реже фиксировались у казаков рассказы о **лешем**. В Забайкалье в период с 1966 по 1982 г. В.П. Зиновьевым было зафиксировано большое количество мифологических рассказов о лешем. В указателе исследователь приводит 30 сюжетов/мотивов данного персонажа [Мифологические рассказы, 1987, с. 305-307]. Нами был зафиксирован всего один мотив по указателю В.П. Зиновьева, в котором человек идет на зов и оказывается в чаще леса: «*Рассказывали, у нас блудила сватья. По этому лесу. Ее нашли на 18 дней, она потом помешалась. <...> Она тока сказала: “Меня, говорит, звал кто-то”. Ну и она за ним шагать и шагать. Тока и сказала, что меня человек звал: пойдём, я тебе покажу-ка, но и я за ём. А у ней здесь дочка была замужем, с Кабанского района. За моёва племянника породнилась. Потом они ее ездили, искали. Потом сидит, сидит, раз соскочит, боялась все*» (4).

По экспедиционным материалам 2000-2003 года в казачьих селах видно, что описания внешнего вида лешего, его поведения почти отсутствуют. Только в одной бывальщине леший предстает в образе маленькой собачки: «*...Кака-то собачка была, говорит. Не знаю, правда – не правда? Бегала, она хотела поймать ее и потом потеряла путь куда спускаться или как. И так спустилась туда, в Монголию. Там граница же близко*» (8).

В большинстве мифологических рассказов казаков леший даже не обозначен повествователями как персонаж, а указывается локус, заколдованное место где «водит». То же отмечает и Л.Л. Кушнарёва, изучающая мифологические сюжеты старообрядцев Забайкалья: «В современных рассказах, в отличие от быличек и бывальщин, записанных фольклористами в 1960 – 1990-х годах в Восточной Сибири, практически отсутствуют описания внешнего вида лешего, его поведения» [Кушнарёва, 2004, с. 12]. Меры защиты, принимаемые от лешего, остаются в народе такими же, как и в старину. До сих пор в рассказах продолжают бытовать поверья о том, что нужно выругаться матерным словом, либо перед тем как идти в лес, вывернуть одежду наизнанку.

В рассказах казаков XIX в. встречался мифологический персонаж – «шаликун», («шулюкун»), в современной быличке он не зафиксирован.

Таким образом, выявленный сюжетно-мотивный состав несказочной устной прозы в репертуаре забайкальских казаков в основном совпадает с отмеченным сюжетно-мотивным составом в указателе В.П. Зиновьева.

Литература

Кушнарёва Л.Л. Христианские и мифологические сюжеты в несказочной фольклорной прозе старообрядцев (семейских Забайкалья (конец XX – начало XXI веков). Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2004.

Логиновский К.Д. Свадебные песни и обычаи казаков Восточного Забайкалья / Зап. Приамур. отд. РГО. 1899. Т. 5. Вып. 2.

Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Отв. ред. Р.П. Матвеева. Сост., коммент., науч. аппарат В.П. Зиновьева, Г.Н. Зиновьевой, Н.Л. Новиковой. Новосибирск, 1987.

Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975.

Список информантов

1. Записано от Коротковой В.Ф., 1940 г.р., с. Убур-Киреть Кяхтинского р-на РБ, 2003 г.
2. Записано от Гончаровой Г.Г., 1951 г.р., с. Желтура Джидинского р-на РБ, в 2002 г.
3. Записано от Максимова Д.Н., 1928 г.р., с. Хутор Кяхтинского р-на РБ, в 2002 г.
4. Записано от Телешевой А.В., 1926 г.р., с. Унгуркуй, Кяхтинский р-он РБ, в 2003 г.
5. Записано от Усовой А.Н., 1922 г.р., с. Желтура Джидинского р-на РБ, в 2002 г.
6. Записано от Аносова И.Х., 1914 г.р., с. Шарагол Кяхтинского р-на РБ, в 2002 г.
7. Записано от Семихвацкого В.А., 1977 г.р., с. Шарагол Кяхтинского р-на РБ, в 2002 г.
8. Записано от Лолитиной А.Я., 1923 г.р., с. Желтура Джидинского р-на РБ, в 2002 г.